

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V194

ПИГАЛЕВ Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры философии Волгоградского государственного университета. Автор 260 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и одного учебника*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

МЕТАФОРА ПРИЗРАКА В ФИЛОСОФИИ ЖАКА ДЕРРИДА

Целью статьи является анализ смысла и контекстов метафоры призрака в философии Жака Деррида. Подчеркивается, что понятие призрака, которое прежде было недопустимым для философского мышления из-за его неясности, сомнительности и налета мистицизма, стало популярным в качестве метафоры благодаря широко обсуждаемому «повороту к призрачности» в философии. Исходной точкой исследования является анализ влияния Карла Маркса и Зигмунда Фрейда на использование Деррида метафоры призрака, без чего его концепция в качестве главного предмета анализа выглядела бы не совсем понятной. Отмечается, что у Маркса товарный фетишизм – разновидность так называемой превращенной формы, концепция которой стала в его работах основой трактовки метафоры призрака. Фрейд рассматривал понятие призрака в связи с чувством чего-то жуткого, приводящего в ужас, тогда как в остальном он, подобно Марксу, исследовал эффекты призрачности в контексте системных процессов. Для Деррида, который в этом вопросе испытал также влияние психоаналитиков Николая Абрахама и Марири Торок, призрак представляет собой предчувствие будущего и, таким образом, след чего-то другого, некоторого различия в структурах, кажущихся недифференцированными. Это ни духовный, ни полностью воплощенный остаток самотождественного присутствия, который некоторым образом преследует, неожиданно исчезает и возвращается снова. В противовес позиции Маркса и Фрейда, которые были убеждены, что призраки можно изгнать, Деррида полагал, что от призраков избавиться нельзя. Согласно Деррида, человек находится в среде бесконечно откладываемых опосредований, которые порождают неустранимые эффекты призрачности. Несмотря на сходство с вирусами, искажающими коммуникацию, они необходимы для системы.

Ключевые слова: *Жак Деррида, метафора призрака, фетишизм, превращенная форма, метафизика присутствия, метафора вируса.*

---

*Адрес: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100; e-mail: pigalev@volsu.ru

Для цитирования: Пигалев А.И. Метафора призрака в философии Жака Деррида // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 77–87. DOI: 10.37482/2687-1505-V194

Введение

Призрак, если он не считается иллюзией или галлюцинацией, традиционно понимается в качестве некоторого чувственно-сверхчувственного агента неясной природы, способного некоторым образом вступать с человеком в мимолетный, но, чаще всего, многократно повторяющийся контакт. Призраку приписывается также способность возвращаться, преследовать и даже подчинять себе человека, вызывая у него состояние одержимости. Однако, хотя реальность призраков всегда считалась сомнительной или даже вовсе отрицалась, они долгое время рассматривались не только как ошибки восприятия или порождения расстроенного воображения.

В разных культурах призраки чаще всего выступали в качестве не смогших умереть мертвецов, добрых или злых духов предков, но в то же время и непонятно как появившихся двойников живых людей. Призраки рассматривались также как божественные посланцы или просто существа, по неизвестным причинам и с неясными целями просачивающиеся из одного мира в другой. Однако после просветительской работы модерна термин «призрак» уже ни при каких условиях не мог считаться обозначающим что-то реальное и претендовать на академический статус.

Тем не менее архаическое понятие призрака, несмотря на наложенные на него просветительской идеологией ограничения смысла и превращение его в сравнительно безобидную метафору, неожиданно получило широкое распространение в современной массовой культуре и стало использоваться в философии культуры. Более того, констатируется, что в современной философии в целом произошел так называемый поворот к призрачности (англ. *spectral turn*) [1–5]. В итоге метафора призрака и призрачности парадоксальным образом стала выступать в качестве эффективного инструмента философского исследования как культуры в целом, так и ее отдельных аспектов.

Особую роль в «повороте к призрачности» сыграл Жак Деррида [6–8], сделавший метафору призрака одним из средств выражения

альтернативы всей предшествующей метафизике. В то же время у Деррида «поворот к призрачности» тесно связан с тенденциями, нашедшими свое выражение в марксизме (прежде всего, в марксистской теории идеологии) и во фрейдизме, особенно в некоторых его модификациях. Поэтому следует говорить о некоторой традиции и, соответственно, истории становления метафоры призрака.

Маркс: призрачность как фетиш

Призрак и призрачность как метафоры и предметы философского исследования впервые привлекают к себе особое внимание Карла Маркса, и его интерес к ним не ограничивается появлением широко известной фразы о «призраке коммунизма» из написанного вместе с Фридрихом Энгельсом «Манифеста коммунистической партии». Общим контекстом рассмотрения призрачности у Маркса становится концепция товарного фетишизма, которая в «Капитале» рассматривается в связи с анализом экономических отношений. Однако ее эвристический потенциал выходит за пределы этого контекста, и она становится частью общей концепции системных эффектов [9].

Такие системные эффекты возникают не только в экономике, но и в закрытых органических системах любой природы как результат процессов обмена (реального и символического), вытеснения и замещения элементов и связываются Марксом с понятием «превращенная форма» [10]. Так, говоря о превращении в товар и включении в товарно-денежное обращение вещи «стол», Маркс пишет: «Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать» [11, с. 81].

В результате товарный фетишизм понимается как процесс превращения общественных отношений, отношений между людьми в отношения между вещами, причем особым образом превращенные и воспринимаемые в качестве объективно существующих в форме предмета или вещи. Такие вещи начинают действовать как весьма активные и в этой своей активности как бы совершенно самостоятельные агенты. Например, деньги, хотя и кажутся вещью, на самом деле являют собой представляющие в виде вещи общественные отношения. Поэтому стоимость, становящаяся капиталом, Маркс может характеризовать как активную, как «автоматически действующий субъект» [11, с. 164]. Аналогичные процессы, как указывал Маркс, происходят в сфере религии.

В этом отношении показательно, что осуществленный Марксом анализ фетишизма в сфере экономики на самом деле предварялся анализом аналогичных процессов в области идеологии. В этом анализе эффекты призрачности были рассмотрены им на примере конкретных идеологических конструкций весьма подробно, с систематическим и содержательным использованием самих терминов «призрак», «привидение», «дух» и даже критикой их каталогизации [12, с. 143–147], однако результаты этого рассмотрения при жизни Маркса не были опубликованы. Речь идет о написанной совместно с Энгельсом «Немецкой идеологии», в которой отчетливо намечается стратегия авторов – выявление призрачности (обманчивой видимости) целого ряда абстрактных всеобщих понятий в их квазипредметной форме.

В силу разных причин Маркс не стал детализировать свою трактовку метафоры призрака в качестве фетиша в области религии. Он также не стал исследовать с помощью концепции фетишизма те явления, которые называются оккультными, хотя и в первом, и во втором случае весь теоретический инструментарий для этого у него был. Среди исследователей, которые так или иначе опирались на подходы и идеи Маркса, критическим анализом того, что принято

называть оккультными явлениями, занимался, хотя и эпизодически, лишь Теодор Адорно.

Характеризуя общие принципы подхода Адорно, следует отметить, что он рассматривает оккультизм в контексте анализа механизмов опосредования и, таким образом, диалектических взаимоотношений непосредственного (безусловного) и опосредованного (обусловленного). Адорно считает, что «склонность к оккультизму является симптомом регресса сознания. Оно утратило способность мыслить безусловное и выносить обусловленное. Вместо того чтобы определить их оба в соответствии с единством и различием в работе понятия, оно смешивает их, не принимая во внимание их различия. Безусловное становится фактом, а обусловленное – непосредственно существующим. Монотеизм разрушается, превращаясь во вторую мифологию (здесь и далее перевод мой. – А.П.)» [13, с. 462].

Между тем, полагает Адорно, вторая мифология истинна в еще меньшей степени, чем первая. Если в докапиталистических обществах оккультизм еще имел какой-то смысл, позволяя объяснить непостижимые стихийные процессы путем соотнесения их с некоторыми антропоморфными субъектами, то в условиях позднего капитализма он лишь скрывает процессы отчуждения. Иными словами, в современных представлениях о призраках или духах Адорно обнаруживает описанные Марксом процессы фетишизации.

По мнению Адорно, представление о том, что весь мир есть продукт духа, приводит к тому, что «мировой дух становится высшим духом, ангелом-хранителем существующего, которое лишено духа. Этим живут оккультисты: их мистика – это *enfant terrible* мистических моментов у Гегеля» [13, с. 474]. Отсюда Адорно – точно так же, как и Маркс – делает вывод, что даже те призраки, которые понимаются метафорически и представляют собой системные эффекты, должны и могут быть изгнаны [13, с. 474].

Фрейд: призрачность как нечто жуткое

Проблема духов, привидений или призраков привлекала внимание и Зигмунда Фрейда, ди-

намика психических процессов в психоанализе которого описывается в качестве своеобразной «экономии либидо» и рассматривается в соответствии с той же, что и у Маркса, теоретической моделью закрытой органической системы. В этой системе происходят процессы обмена, вытеснения и, если пользоваться термином Маркса, должны появляться и превращенные формы, к которым относятся эффекты призрачности. Однако Фрейд, в отличие от Маркса, попытался подойти к этой проблеме не в социально-экономическом контексте, а исходя из анализа эффектов призрачности в психике.

Отправной точкой исследования Фрейда является осмысление чувства, которое соприкосновение с призраками (независимо от того, считаются они реальными, иллюзорными или просто вымышленными) вызывает у человека. Это чувство соприкосновения с чем-то жутким, которое, согласно Фрейду, не только служит ключом к пониманию их сущности, но и связывается в процессе его анализа с таким характерным свойством, которое обычно приписывается призракам, как их постоянное назойливое возвращение. При этом Фрейд, тщательно избегая возможности истолковать свое исследование как реабилитацию сверхъестественного, подчеркивает, что призраки вызывают ужас лишь у тех, кто *не верит* в их существование.

Фрейд считает, что у людей, которые склонны верить в существование призраков, соприкосновение с ними порождает лишь обычный страх и чувство обреченности. В связи с этим он, соглашаясь с трактовкой Ф.И. Шеллинга, приходит к выводу, что «жуткое – это нечто, что должно было остаться скрытым, но обнаружилось» [14, с. 286]. В целом же жуткое, связанное с призраками, для Фрейда – это регресс к анимистическому миропониманию, которое, как полагает Фрейд, «характеризовалось наполнением мира духами людей, нарциссической переоценкой собственных душевных процессов, всемогуществом мыслей и построенной на этом техникой магии...» [14, с. 285]. При этом главным для Фрейда при объяснении призрака и эффектов призрачности является

убеждение во «всемогуществе мыслей», характерное для магического мышления.

Фрейд также указывает на подразумеваемый при объяснении жуткого как эффекта призрачности механизм вытеснения и замещения. Он подчеркивает, что «часто и легко чувство жуткого возникает тогда, когда стирается граница между фантазией и действительностью, когда перед нами возникает нечто, что мы до сих пор считали фантастическим, когда символ берет на себя функцию символизируемого и тому подобное» [14, с. 289].

В конечном итоге Фрейд считает – в полном согласии с позицией Маркса, затем поддержанной Адорно, – что от призраков или духов, даже если они понимаются как метафоры, необходимо избавиться. Их нужно изгнать не только в качестве необычной, но все же якобы вполне полноценной реальности, в которую некоторые продолжают верить. Согласно Фрейду, Марксу и Адорно, следует также отказаться и от самой метафоры призрака.

Принимая во внимание развитие психоанализа после Фрейда и его отношение к метафоре призрака и эффектам призрачности, нельзя не заметить, что эта метафора действительно была проанализирована не только более подробно, но и в свете несколько иных, чем у Фрейда, трактовок психоанализа. В рассматриваемом контексте особый интерес представляют теоретические построения французских психоаналитиков Николя Абрахама и Марии Торок, основанные на их практическом опыте психотерапии. Идея Абрахама и Торок о том, что бессознательное содержит в себе специфическое различие, оказала влияние на формирование концепции призрака Деррида.

Абрахам и Торок: чужая тайна и возвращающиеся призраки

В теории Абрахама и Торок вводится в рассмотрение общая концепция передачи бессознательного другому человеку не только от матери, но и от родителя вообще к его потомку и, таким образом, от одного поколения к другому. Передача бессознательного, согласно Абрахаму и Торок, охватывает очень сложные

родственные связи и именно в этом контексте позволяет объяснить феномен призрака иначе, чем представление о возвращении вытесненного у Фрейда.

В рамках концепции Абрахама и Торок появление призрака связывается с отношениями между поколениями, что позволяет учесть влияние на психическое развитие человека факторов, выходящих за пределы его индивидуального опыта не только в пространстве, но и во времени. В соответствии с этой стратегией объяснения, патогенные процессы в психике и психопатия связаны отнюдь не с бессознательным индивида в качестве закрытого хранилища подавленных фантазий и желаний, как это представлялось Фрейду. Согласно Абрахаму и Торок, патогенные процессы и психопатия вызываются некоей вытесненной в бессознательное, постыдной и в силу этого травматической тайной, которую после смерти ее носителя, умалчивавшего о ней, уже невозможно осознать и выразить в слове.

Тот член семьи из другого поколения, кто знал об этой тайне вследствие своей вовлеченности в некоторую групповую динамику, в свое время никому ничего не рассказал и унес свое утаенное знание в могилу. Между тем знание не о сути тайны, а о самом ее существовании переходит в бессознательное следующего поколения. Это происходит в процессе восприятия потомком тех умолчаний, которые окружают тайну при жизни хранящего ее родителя. Как и все, относящееся к бессознательному, эта тайна, будучи переданной, становится невыразимой непосредственно и может дать знать о своем существовании лишь через символические опосредования, воплощенные в превращенных формах.

Как пишет Абрахам, «конечно, все ушедшие могут возвращаться, но некоторым из них предназначено преследовать и не давать покоя: это умершие, испытывавшие стыд при жизни, или умершие, которые унесли свои тайны в могилу, никому не рассказав о них. <...> Фактически “призрак”, какую бы форму он ни принимал, это не что иное, как плод воображения живых.

Плод воображения в том смысле, что предназначением призрака является олицетворение – даже в виде индивидуальных или коллективных галлюцинаций – разрыва, созданного в нас сокрытием сведений о части жизни того, кого мы любим. Поэтому призрак является также метапсихологическим фактом: нас преследуют не мертвые, а разрывы, оставленные в нас тайнами других» [15, с. 171].

В основе концепции Абрахама и Торок лежит убеждение, что тайна может быть передана другому, не будучи высказанной и, таким образом, не перестав быть тайной. Именно в результате соблюдения тишины вокруг постыдного поступка родителя возникает разрыв в бессознательном потомка. Он не позволяет его психике полностью отделиться и стать самостоятельной. При этом относительно содержания тайны, создающей данный разрыв, потомок остается в неведении. В результате этот разрыв, независимо от воли потомка, включает его в некую символическую, но не поддающуюся осознанию структуру «групповой динамики», которая задается и навязывается прошлым.

Более того, присутствие в бессознательном потомка некоей не вписывающейся в систему, радикальной чуждости и, тем самым, неустрашимого различия разрушает представление о бессознательном в качестве самотождественного. Как указывает Абрахам, «призрак может исчезнуть лишь тогда, когда будет признана его радикально иная природа по отношению к субъекту, к тому субъекту, с которым он никогда не связан непосредственно. <...> *Призрак, возвращающийся для того, чтобы преследовать и не давать покоя, свидетельствует о существовании умершего, погребенного в другом*» (здесь и далее курсив источника. – А.П.) [15, с. 174–175].

Место погребения тайны предка в концепции Абрахама и Торок обозначается словом «крипта» («склеп», «тайник»), что предполагает обязательное отделение пространства крипты от остального пространства. При этом создание крипты подобно формированию кокона вокруг куколки у насекомых [16, с. 141].

Совершенно непроницаемые стены позволяют говорить о функции крипты как о «предохраняющем подавлении» [17, с. 159]. Крипта, как пишут Абрахам и Торок, это «вид искусственного бессознательного, внедрившегося в самую сердцевину его. Создание такого склепа подобно заделыванию всех щелей в полупроницаемых стенах динамического бессознательного. Ничто не может просочиться во внешний мир. Его поручено быть кладбищенским сторожем» [17, с. 159].

Деррида добавляет к этой характеристике, что крипта обозначает место, где находится не бессознательное как таковое, но «ложное бессознательное» [18, с. XIII], очевидно, названное им так по аналогии с интерпретацией идеологии Марксом в качестве «ложного сознания». Проявляясь в виде совокупности особых психопатических симптомов, несистемное бессознательное, проникшее в бессознательное потомка и укоренившееся в нем, начинает активно преследовать и пугать его. Это несистемное другое делает именно то, чего, согласно мифам, легендам, фольклору и их литературным обработкам, от него обычно и ждут, оказываясь навязчивым и поэтому постоянно возвращающимся.

При этом призрак вызывает у человека чувство соприкосновения с чем-то жутким не только потому, что его вообще не должно быть, но и потому, что он, несмотря ни на что, еще и неотвратимо, но всегда неожиданно появляется снова и снова. В соответствии с этим мотивы появления призрака парадоксальны, поскольку он появляется не для того, чтобы раскрыть тайну, а наоборот, для того, чтобы воспрепятствовать ее раскрытию, ради чего он и возвращается постоянно¹. Поэтому призрак отнюдь не стремится к преодолению состояния неведения: «Дух возвращается, преследуя и не давая покоя, с намерением лгать: его возможные

“откровения” по своей природе обманчивы» [19, с. 188].

В целом главной особенностью призрака в силу того, что его существование обуславливается наличием в субъекте чего-то чужеродного, является невозможность субъекта быть самоидентифицируемым. Бытие призрака внутренне противоречиво: он парадоксальным образом присутствует своим отсутствием. Именно в этом смысле метафор скорлупы и ядра, образующих название книги, статьи из которой цитировались выше. В использованной Абрахамом и Торок метафоре видимая, присутствующая скорлупа выступает в качестве средства сокрытия смысла, тогда как закрытое скорлупой, невидимое и, следовательно, не присутствующее ядро парадоксальным образом становится носителем смысла [21, с. 10].

Деррида: призрак как след другого

Наиболее полно смысл метафоры призрака раскрывается в книге Деррида «Призраки Маркса», в которой он использовал особый термин «*hantologie*», постепенно входящий в научный оборот как «хонтология» (от англ. *haunt* – «призрак») [22, с. 24]. В трактовке Деррида эффекты призрачности не сводятся лишь к обособлению духа, идеи или мысли, как оно изображено в гегелевском идеализме. Эффекты призрачности предполагают также обретение обособившимся духом некоторой «видимости плоти», некоторого «пространства невидимой видимости» [22, с. 184]. При этом обособившийся дух не возвращается в прежнее тело, а обретает искусственное, «протетическое» или «протезное» (фр. *prothétique*) тело [22, с. 184].

В соответствии с логикой Маркса, которой в своем анализе следует Деррида, субъект, считающий, что лишь он обладает телесностью, на самом деле неизбежно становится телом всех призраков и, тем самым, «абсолютным призраком».

¹Абрахам рассматривает это понимание на примере пьесы У. Шекспира «Гамлет». Согласно его реконструкции, постыдной тайной, хранимой бессознательным Гамлета и служащей причиной его загадочной, совершенно необъяснимой нерешительности, является не столько отравление его отца Клавдием, сколько убийство его отцом старшего Фортинбраса на дуэли, вскользь упоминаемой в пьесе, отравленным клинком. В связи с этим Абрахам даже написал, в подражание Шекспиру, VI акт пьесы, в котором эта тайна раскрывается (см. [19, с. 187–205; 20, с. 22–24]).

Он представляет собой «призрак призрака призрака-духа», «симулякр симулякра» [22, с. 185]. Такой субъект будет убежден, что для изгнания призраков (объективных идей или мыслей) достаточно осознания их призрачности. При этом Маркс не ставил под сомнение необходимость избавиться от призраков, изгнать их и, кроме того, считал, что сделать это возможно. Радикальное расхождение Маркса с современной ему немецкой идеологией, которую он критиковал, заключается в понимании того, как именно можно избавиться от призраков.

Деррида пишет, характеризуя позицию Маркса: «Невозможно изгнать *реальных* Папу или императора, изгнав или фокуснически устранив одну лишь *призрачную* форму их тел. Маркс весьма непреклонен: когда уничтожают призрачное тело, остается тело реальное» [22, с. 189]. Однако Деррида, в отличие от Маркса и стоящей за ним традиции, ставит под сомнение саму возможность изгнания призраков. Деррида подчеркивает, что борьба против них – это борьба против протеза и делегирования, повторения и различания. В общем случае это борьба против различающих и отчуждающих структур опосредования, стремление достичь уровня исходной самотождественной непосредственности.

Деррида убежден в невозможности достижения исходной непосредственности, которая всегда была бы тождественной самой себе. Это объясняет, почему уже в начале книги «Призраки Маркса» Деррида настаивает на том, что «следует учиться понимать духов. Хотя, и это есть главная причина, почему все же это следует делать, – их *не существует*. Несмотря на то, или как раз потому, что призрак – это не субстанция, не сущность и не существование, *он никогда не присутствует как таковой*» [22, с. 9]. Переходя к задаче понимания духов или призраков вместо их изгнания, Деррида обращается главным образом к анализу и деконструкции шекспировского образа призрака отца Гамлета. В итоге, как это

всегда делается в процессе деконструкции, происходит переворачивание бинарных оппозиций как простейших иерархий².

Речь здесь идет об иерархии призрака и того, кто на него смотрит. Деконструкция выявляет «эффект забрала», в соответствии с которым не столько мы смотрим на призрак, сколько он некоторым образом смотрит на нас, хотя из-за забрала мы не видим его взгляда [22, с. 19–20]. В соответствии с этим то, что является чем-то другим по отношению к сегодняшнему дню, еще должно прийти из будущего в виде призрачного разрыва, который, однако, уже вписан в настоящее. Это позволяет Деррида, в соответствии с теоретической моделью Абрахама и Торок, назвать постоянное возвращение другого в качестве призрака «законом другого поколения» [18, с. XXXI].

Деррида считает, что метафорически понимаемые призраки (как обособившийся дух, обособившиеся идеи или мысли) постоянно являются везде, где живет человек. Такие призраки, не принадлежащие только к бытию или только к небытию, определяемые для Деррида *неразрешимостью* вопроса о том, существуют они или нет, свидетельствуют о разломах и брешах в мире человека. Эти разломы и бреши – следы призрачного, одновременно невидимого и видимого, но принципиально неустранимого присутствия чего-то другого, которое разрушает метафизическое представление о бытии в качестве самотождественного.

Заключение

В философии Деррида метафора призрака принадлежит к открытой, допускающей дополнение серии взаимосвязанных и близких по смыслу терминов или выражений. Эта серия состоит, в частности, из таких метафор, как различание, след, дополнение, метка, неразрешимость и платоновский «фармакон» как лекарство и яд одновременно, а в общем смысле – внутренне противоречивое единство и символ неразрешимости.

²Как утверждал Деррида, «в классической философской оппозиции мы имеем дело не с мирным сосуществованием некоего взаимного противостояния, но с силовой иерархией. Один из двух членов главенствует над другим (аксиологически, логически и т. д.), стоит на вершине. Деконструировать оппозицию – значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию» [23, с. 50].

Именно эта серия несет основную смысловую нагрузку при описании способа выхода за пределы европейской метафизики, которую Деррида характеризовал как «метафизику присутствия». Кроме того, к серии метафор, если и не равнозначных метафоре призрака, то тесно связанных с ней, добавляется метафора вируса, которая является для Деррида более общей.

В одном из интервью Деррида заявлял: «...В итоге во всем, что я сделал, преобладает мысль о вирусе, о том, что можно назвать паразитологией, вирусологией, в которых вирус имеет много смыслов. <...> Вирус – это, в частности, некий паразит, который разрушает процесс передачи информации, вносит в него беспорядок. Даже с точки зрения биологии вирус делает именно это, он расстраивает механизм передачи информации, присущие ему способы кодирования и декодирования. С другой стороны, он не является ни живым, ни неживым; вирус – это не микроб. И если вы будете двигаться вдоль этих двух линий... у вас будет матрица всего, что я сделал с того момента, как начал писать. <...> Такое впечатление, будто все, что я говорил последние двадцать пять лет, определялось идеей *destinerrance*³... дополнения, фармакона, всего неразрешимого – и, в конце концов, это одно и то же» [24, с. 12].

Позиция Деррида существенно отличается от предшествующей критики культуры и

идеологии, использовавшей метафору призрака в качестве обозначения идеологических aberrаций, которые могут быть исправлены или даже устранены. В этой традиции – и у Маркса, и у Фрейда, и у Адорно – допускалась принципиальная возможность окончательно избавиться от призраков, понимаемых как системные эффекты, и увидеть реальность без искажающих опосредований, в ее исходной непосредственности, «как есть». Деррида отвергает такую возможность, считая призраки и эффекты призрачности неустранимыми. Тем самым традиционной онтологии как стремлению увидеть сущее в его изначальном виде, без призрачных искажений, противопоставляется хонтология. Она признает, что каждый акт познания порождает призраки как нечто неразрешимое – то, что должно быть, но чего, однако, нет.

Таким образом, согласно теоретической модели культуры Деррида, человек живет в среде усложняющихся, бесконечно откладываемых в процессе различания и поэтому неустранимых опосредований, порождающих специфические системные эффекты в качестве эффектов призрачности. При этом обнаруживается, что данные эффекты, будучи в теоретической модели Деррида подобными вирусам, искажающим коммуникацию, тем не менее необходимы для существования культуры как сложной системы.

Список литературы

1. Ghosts: Deconstruction, Psychoanalysis, History / ed. by P. Buse, A. Stott. London: Palgrave Macmillan, 1999. 268 p.
2. Davis C. Haunted Subjects: Deconstruction, Psychoanalysis, and the Return of the Dead. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 181 p.
3. Popular Ghosts: The Haunted Spaces in Everyday Culture / ed. by M. del Pilar Blanco, E. Peeren. New York: Continuum, 2010. 365 p.
4. The Spectralities Reader: Ghosts and Haunting in Contemporary Cultural Theory / ed. by M. del Pilar Blanco, E. Peeren. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 584 p.

³Неологизм Деррида, означающий «отсрочку предназначения», «блуждание, откладывающее момент исполнения предназначенного» по аналогии с тем, как, в соответствии с почтовой метафорой Деррида, блуждает письмо без адреса.

5. Shaw K. *Hauntology: The Presence of the Past in Twenty-First Century English Literature*. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 119 p.
6. Castricano C.J. *Cryptomimesis: The Gothic and Jacques Derrida's Ghost Writing*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 165 p.
7. *Ghostly Demarcations: A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx* / ed. by M. Sprinker. London: Verso, 2008. 278 p.
8. Glazier J.W. Derrida and Messianic Subjectivity: A Hauntology of Revealability // *J. Cult. Res.* 2017. Vol. 21, № 3. P. 241–256. DOI: [10.1080/14797585.2017.1338600](https://doi.org/10.1080/14797585.2017.1338600)
9. McNeill D. *Fetishism and the Theory of Value: Reassessing Marx in the 21st Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2021. 322 p.
10. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М.К. *Формы и содержание мышления*. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. С. 243–262.
11. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: [в 50 т.]. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 907 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: [в 50 т.]. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 7–544.
13. Adorno T.W. *Thesen gegen den Okkultismus* // Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1951. S. 462–474.
14. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Собр. соч.: [в 10 т.]. Т. 4. Психологические сочинения / пер. с нем. А.М. Боквинова. М.: Фирма СТД, 2006. С. 261–297.
15. Abraham N. Notes on the Phantom: A Complement to Freud's Metapsychology // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 171–176.
16. Abraham N., Torok M. "The Lost Object – Me": Notes on Endocryptic Identification // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 137–156.
17. Abraham N., Torok M. The Topography of Reality: Sketching a Metapsychology of Secrets // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 157–161.
18. Derrida J. Fors: The English Words of Nicolas Abraham and Maria Torok // Abraham N., Torok M. *The Wolf Man's Magic Word: A Cryptonymy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. P. XI–XLVIII.
19. Abraham N. The Phantom of Hamlet or The Sixth Act, Preceded by the Intermission of "Truth" // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 187–205.
20. Rashkin E. *Family Secrets and the Psychoanalysis of Narrative*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 206 p.
21. Derrida J. Me – Psychoanalysis: An Introduction to the Translation of "The Shell and the Kernel" by Nicolas Abraham // *Diacritics*. 1979. Vol. 9, № 1. P. 3–12. DOI: [10.2307/464696](https://doi.org/10.2307/464696)
22. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera; Ecce homo, 2006. 256 с.
23. Деррида Ж. *Позиции* / пер. с фр. В.В. Бибикина. М.: Акад. Проект, 2007. 160 с.
24. Brunette P., Wills D. *The Spatial Arts: An Interview with Jacques Derrida* // *Deconstruction and the Visual Arts: Art, Media, Architecture* / ed. by P. Brunette, D. Wills. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 9–32.

References

1. Buse P., Stott A. (eds.). *Ghosts: Deconstruction, Psychoanalysis, History*. London, 1999. 268 p.
2. Davis C. *Haunted Subjects: Deconstruction, Psychoanalysis, and the Return of the Dead*. New York, 2007. 181 p.
3. Pilar Blanco M. del, Peeren E. (eds.). *Popular Ghosts: The Haunted Spaces in Everyday Culture*. New York, 2010. 365 p.
4. Pilar Blanco M. del, Peeren E. (eds.). *The Spectralities Reader: Ghosts and Haunting in Contemporary Cultural Theory*. New York, 2013. 584 p.
5. Shaw K. *Hauntology: The Presence of the Past in Twenty-First Century English Literature*. New York, 2018. 119 p.
6. Castricano C.J. *Cryptomimesis: The Gothic and Jacques Derrida's Ghost Writing*. Montreal, 2001. 165 p.

7. Sprinker M. (ed.). *Ghostly Demarcations: A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx*. London, 2008. 278 p.
8. Glazier J.W. Derrida and Messianic Subjectivity: A Hauntology of Revealability. *J. Cult. Res.*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 241–256. DOI: [10.1080/14797585.2017.1338600](https://doi.org/10.1080/14797585.2017.1338600)
9. McNeill D. *Fetishism and the Theory of Value: Reassessing Marx in the 21st Century*. New York, 2021. 322 p.
10. Mamardashvili M.K. Prevrashchennye formy (O neobkhodimosti irratsional'nykh vyrazheniy) [Converted Forms. On the Need for Irrational Expressions]. Mamardashvili M.K. *Formy i sodержание myshleniya* [Forms and Content of Thinking]. St. Petersburg, 2011, pp. 243–262.
11. Marx K. Kapital [Capital]. Vol. 1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Moscow, 1960. 907 p.
12. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow, 1955, pp. 7–544.
13. Adorno T.W. Thesen gegen den Okkultismus. Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main, 1951, pp. 462–474.
14. Freud S. Zhutkoe [The Uncanny]. Freud S. *Sobranie sochineniy. T. 4. Psikhologicheskie sochineniya* [Collected Works. Vol. 4. Works on Psychology]. Moscow, 2006, pp. 261–297.
15. Abraham N. Notes on the Phantom: A Complement to Freud's Metapsychology. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 171–176.
16. Abraham N., Torok M. "The Lost Object – Me": Notes on Endocryptic Identification. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 137–156.
17. Abraham N., Torok M. The Topography of Reality: Sketching a Metapsychology of Secrets. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 157–161.
18. Derrida J. Fors: The English Words of Nicolas Abraham and Maria Torok. Abraham N., Torok M. *The Wolf Man's Magic Word: A Cryptonymy*. Minneapolis, 1986, pp. XI–XLVIII.
19. Abraham N. The Phantom of Hamlet or The Sixth Act, Preceded by the Intermission of "Truth". Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 187–205.
20. Rashkin E. *Family Secrets and the Psychoanalysis of Narrative*. Princeton, 1992. 206 p.
21. Derrida J. Me – Psychoanalysis: An Introduction to the Translation of "The Shell and the Kernel" by Nicolas Abraham. *Diacritics*, 1979, vol. 9, no. 1, pp. 3–12. DOI: [10.2307/464696](https://doi.org/10.2307/464696)
22. Derrida J. *Spectres de Marx: L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale*. Galilée. 2002 (Russ. ed.: Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional*. Moscow, 2006. 256 p.).
23. Derrida J. *Positions*. Paris. 1972. 133 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pozitsii*. Moscow, 2007. 160 p.).
24. Brunette P., Wills D. The Spatial Arts: An Interview with Jacques Derrida. Brunette P., Wills D. *Deconstruction and the Visual Arts: Art, Media, Architecture*. Cambridge, 1994, pp. 9–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V194

Aleksandr I. Pigalev

Volgograd State University;
prosp. Universitetskiy 100, Volgograd, 400062, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862> e-mail: pigalev@volsu.ru

METAPHOR OF THE SPECTRE IN JACQUES DERRIDA'S PHILOSOPHY

This paper aimed to analyse the meaning and contexts of the metaphor of the spectre in Jacques Derrida's philosophy. It is emphasized that the notion of the spectre, which was previously inadmissible for philosophical thinking due to its vagueness, doubtfulness and a dash of mysticism, became popular as a metaphor owing to the widely debated "spectral turn" in philosophy. The research starts

---

For citation: Pigalev A.I. Metaphor of the Spectre in Jacques Derrida's Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 77–87. DOI: 10.37482/2687-1505-V194

with analysing the influence of Karl Marx and Sigmund Freud on Derrida's use of the metaphor of the spectre. It is noted here that Marx viewed commodity fetishism as a variety of the so-called converted form, which in his works became the basis for interpreting the metaphor of the spectre. Freud correlated the notion of the spectre with the uncanny feeling, whereas in other respects he, like Marx, examined spectral effects in the context of systemic processes. For Derrida, who was on that point influenced by psychoanalysts Nicolas Abraham and Maria Torok, the spectre is an anticipation of the future and thus a trace of something else, of a difference in the structures that seem undifferentiated. It is neither a spiritual nor a fully embodied remainder of self-identical presence that in a way haunts, unexpectedly disappears and returns again. In contrast to Marx and Freud, who believed that spectres could be exorcized, Derrida reckoned that one cannot get rid of them. According to Derrida, man is surrounded by endlessly deferred mediations, which engender nonremovable spectral effects. The latter, being similar to the viruses that distort communication, are, nevertheless, required by the system.

Keywords: *Jacques Derrida, metaphor of the spectre, fetishism, converted form, metaphysics of presence, metaphor of the virus.*

Поступила 08.03.2022
Принята 15.06.2022
Опубликована 23.09.2022

Received 8 March 2022
Accepted 15 June 2022
Published 23 September 2022